

СЮЖЕТНЫЕ МОТИВЫ В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ»

Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «МАРКХЕЙМЕ» Р. Л. СТИВЕНСОНА

Фёдор Михайлович Достоевский получил мировую известность, прежде всего, как писатель – гуманист, сосредоточивший внимание на нравственной природе личности, которая приходит к решению общечеловеческих проблем. Особенности выражения гуманистической позиции писателя стали картины мучительных духовных поединков героев, обращенные к себе или же собеседнику их страстные монологи, обнажающие изнанку души и проч. Исследователи неизбежно обращаются к решению вопроса о факторах, которые вызвали тот пристальный интерес к динамике душевной жизни человека, который отличает произведения Ф. М. Достоевского. Так, к примеру, А. М. Буланов связывает его с переосмыслением духовного опыта просветительства в 1860-е годы. Исследователь показывает, что просветительская традиция в России во второй половине XIX века переживала кризис. Перед большинством литераторов встал вопрос о действенности просвещения и разума. Это, пишет он, «была проблема нравственных оснований бытия: может ли разум опираться на самого себя, можно ли создавать нравственные максимы, выводя их из логических постулатов?». По мнению А. М. Буланова, вырабатывая свое понимание ответа на эти вопросы, Ф. М. Достоевский опасался «возможностей развития индивидуалистического сознания, угрозы при абсолютном утверждении личности Я принципиально не принимать в расчет другую личность». «Ум без сердца – вот что страшит писателя, ибо голая рациональность не обеспечивает главного – духовного насыщения идеала любовью, красотой и добром», – приходит к выводу исследователь [2, 36]. Не менее важной категорией при выработке нравственной программы поведения человека в обществе является «свобода». Если мы обратимся к истории, то следует отметить, что в пору реформ 1861 года размышления о ней не могли иметь отвлеченного характера. Ф. М. Достоевский подвергает идеал свободы мучительному испытанию, поместив его в эпицентр извечного противостояния добра и зла. Будет ли счастлив человек, когда получит свободу? Как будет распоряжаться ей? Чем обернется для него эта свобода? Вот лишь часть насущных вопросов, адресованных Достоевским человеку. Исходя из христианского понимания человека как того, в ком заключена частица Божественного Духа, он, безусловно, был убежден в том, что человек сможет распорядиться своей свободой ради добра. Однако для этого была необходима длительная работа, направленная на то, чтобы люди, «...развившись, – как говорит в «Преступлении и наказании» Разумихин, – живым путем до конца», сами собой превратились в «нормальное общество» [4, 126]. Таким образом, в центре внимания писателя оказываются проблемы, имеющие общечеловеческий характер. Их решение и является причиной того, что интерес к творчеству Ф. М. Достоевского не может ослабеть. Как заметил А. Б. Криницын, приведший слова одного из ведущих современных исследователей Достоевского Жака Катто о том, что всякое произведение этого художника – «скрытая, чаще всего не прямая, но страстная экзегеза литературы, философии и истории», творчество Достоевского отличается «особенным универсализмом» [5, 196]. И это проявляется не только в том, что в романах этого писателя мы находим аллюзии, реминисценции, другие пути диалога с его предшественниками и современниками, но и в том, что его собственные произведения становятся объектом такого творческого диалога в сочинениях других авторов. В нашей статье мы остановимся на связи

между «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевского и рассказом английского писателя-неоромантика Роберта Луиса Стивенсона «Маркхейм». Между этими произведениями – контактная генетическая связь. Стивенсон писал о том, что его рассказ – результат усвоения опыта автора «Преступления и наказания», признавался, что испытывал потрясение после прочтения романа Достоевского. На типологической близости «Преступления и наказания» и «Маркхейма» подробно остановилась Р. Н. Поддубная [8]. Мы сосредоточим внимание на общих сюжетных мотивах в них.

Названные произведения объединяет **мотив убийства**, которое совершает главный герой. Роман Ф. М. Достоевского начинается с того, что Раскольников отправляется проверить, все ли он верно рассчитал, решившись на убийство старухи-процентщицы. Затем следует описание факторов, которые укрепили его в мысли о необходимости преступления, а также деталей, которые свидетельствуют о том, что принятое решение противно его человеческой природе. Седьмая глава, завершающая первую часть романа, содержит в себе описание преступления. Рассказ Р.Л. Стивенсона начинается с того, что Маркхейм приходит в антикварную лавку, говорит о том, что собирается купить подарок невесте и когда владелец лавки начинает выпрямляться, найдя подходящую для его клиента вещь, тот набрасывается на него и убивает кинжалом. Это преступление, как и Раскольников, он, по всей вероятности, продумал заранее. Об этом свидетельствует то, что, объясняя цель прихода, он «говорил все свободнее, входя в колею заранее приготовленной речи» [9, 466], а в то время, когда владелец лавки наклонялся, чтобы убрать не подошедшее зеркало и найти другую вещь, Маркхейм «чуть подался вперед, держа одну руку в кармане пальто» (вероятно, сжимая этой рукой оружие убийства) [9, 468]. Итак, в обоих случаях преступление было заранее точно продумано и совершено героями осознанно.

И роман Ф. М. Достоевского, и рассказ Р. Л. Стивенсона начинаются сообщением об убийстве. Это позволяет нам предположить, что не оно само по себе является центром внимания авторов. Гораздо важнее понять, чем оно было вызвано, и как герой будет вести себя после совершенного. Отсюда – значимость **мотива определения факторов, вынудивших героя совершить преступление**.

Униженное до крайности положение Раскольникова, его бедность, доходящая до нищеты, желание спасти сестру от брака с человеком, который женится на ней без любви, подчиняясь расчету помыкать всю жизнь женой из бесприданниц, и которая сама решила выйти замуж из расчета помочь на деньги Лужина матери и брату, послужили тем толчком, который и привёл главного героя к преступлению. Не случайно в разговоре с Соней Раскольников скажет: «А знаешь ли Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят!» [4, 206]. А это означает, что материальные факторы спровоцировали вызревание мысли о преступлении. На это обратил внимание и Л. П. Гроссман, когда писал: «Все действие романа обусловлено в своих истоках проблемой денег. <>. Жестокая экономика эпохи углубляет и изоцряет замысел Раскольникова. В романе эта экономика конкретно разворачивается перед ним в пасмурных эпизодах и трагических сценах огромного государственного центра. Изнасилованные девушки, проститутки, пьяницы, утопленницы рядом с благоденствующими ростовщиками, лужинными, свидригайловыми – все эти встречи и лица не перестают крепить и заострять мятежную волю Раскольникова. Он решается осилить своим замыслом и поразить своим действием страшное чудовище, угрожающее всем молодым существам, - новый капиталистический город, средоточие властей и сил целой империи, поистине грод-спрут...» [3, 336 - 337]. Однако, эта идея, засевшая в голове Раскольникова, постепенно находит новое направление и приобретает уже совсем другие

формы. Герой убивает уже не столько для того, чтобы помочь близким, сколько затем, чтобы проверить самого себя, определить, в чем его назначение – покоряться чужой воле или же устанавливать собственные нормы мироустройства. Он решил проверить, имеет ли право взять управление миром в свои руки и использовать закон по своему усмотрению: "...я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил", "...мне надо было узнать... вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Тварь ли я дрожащая или право имею..."

Маркхейм, в отличие от Раскольникова, не является героем-идеологом. Но, как и герой «Преступления и наказания», он тоже не может примириться со злом, которое является приметой общества, к которому он принадлежит. Еще до совершения преступления Раскольников видит себя во сне ребенком, которого ужасает насилие над лошастью. Маркхейм после совершенного убийства пробегает в памяти свою жизнь и тоже видит себя ребенком, которого пугает зло. Вот он – «маленький мальчик, шныряющий среди взрослых. Мальчика раздражает любопытство и страх и, пробившись наконец на площадь, туда, где толпа всего гуще, он видит балаган и большую доску с нелепыми, грубо размалеванными картинками: Элизабет Браунинг со своим подмастерьем, чета Мэннингсов и убитый ими гость, Уир, задушенный Тертеллом, и еще десятка два других прогремевших на всю страну преступников» [9, 473]. Так и вспоминается реплика Раскольникова в ответ на совет Сони покаяться в преступлении: «Не будь ребенком, Соня ... В чем я виноват перед ними? Зачем пойду? Что им скажу? Все это один только призрак... Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают» [4, 208]. Однако Маркхейм проявил душевную слабость, постепенно он стал разрешать себе преступления, вначале не опасные, но наконец пришел и к убийству. «Сердце, - сообщается о состоянии героя после убийства антиквара, - содрогавшееся когда-то при виде аляповатых изображений убийств, бестрепетно взидало на действительность» [9, 473]. Следовательно, Маркхейм, в отличие от Раскольникова, на момент убийства был уже закоренелым вором, отступившей от всяких моральных норм личностью. Еще с детства, как считает Маркхейм, пытаясь оправдать себя, в его грехах были виноваты обстоятельства: «Я родился и жил в стране великанов. Великаны тащили меня за руки с того первого часа, как мать даровала мне жизнь. Великаны эти – обстоятельства нашего существования». Он и перед убийством пытается себя оправдать. Ему кажется, что любой человек способен на зло, а потому, как и он, не захочет смотреть на себя в зеркало, чтобы обнаружить на лице знаки греховности. «А вот, взгляните сюда, в это самое зеркало, что вы видите в нём? Себя! Ну, и приятно вам это видеть, скажите? Нет, ну и мне тоже неприятно, да я думаю, что и каждому человеку это неприятно...», - заявляет он [9, 467].

Примечательно, что Стивенсон в «Маркхейме» показывает внутренний мир главного героя извне, посредством второго «Я», того самого чёрного двойника. Фактически, все внутренние переживания героя воспроизводит двойник в своём монологе. Фёдор Достоевский раскрывает процесс внутренней борьбы, переживаемый Раскольниковым, не через призму какого-либо внешнего субъекта, а через его мысли, через то сокровенное, что он не всегда решается воспроизводить вслух.

И, наконец, еще один мотив, помогающий понять воплощенную в обоих произведениях авторскую концепцию человека: **мотив воскресения**. Как и его предшественники в литературе, в первую очередь, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский был убежден в возможности воскресения для каждого человека. «Писатель, - пишет в связи с этим И. Мельничук, - развивает идею, что человек, совершивший грех, способен духовно воскреснуть, если уверует в Христа и примет его нравственные заповеди. $\diamond$. Духовное возрождение через «сострадательную любовь и деятельность» лежит в основе философской концепции

писателя...» [6, 19 - 20]. В способности человека к нравственному совершенствованию не сомневался и Р.Л. Стивенсон. Однако пути восстановления в себе человечности герои исследуемых нами произведений выбирают разные. И это различие, на наш взгляд, обусловлено содержанием ведущего конфликта. В «Преступлении и наказании» - это конфликт героя с человечеством, которое всегда жило и будет жить, подчиняясь законам индивидуализма («...не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить! Да, это так! Это их закон...Закон, Соня! Это так!... И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет!» [4, 206 - 207]). В рассказе Стивенсона – это внутренний конфликт двух половинок нравственной природы Маркхейма – его «черного» и «белого» двойников. Это не означает, безусловно, отсутствия внутренней борьбы в Раскольнике. Сошлемся на высказанную М. М. Бахтиным мысль об особенностях идеологических романов Ф. М. Достоевского. «Самосознание героя у Достоевского, - писал ученый, - сплошь диалогизировано: в каждом своем моменте оно повернуто вовне, напряженно обращается к себе, к другому, к третьему. Вне этой живой обращенности к себе самому и к другим его нет и для себя самого. В этом смысле можно сказать, что человек у Достоевского есть субъект обращения» [1, 433]. Однако основным для героя «Преступления и наказания» является выработка своего места в обществе и уяснение своих отношений с человечеством. Поэтому для него важнее найти в ком-то опору для того, чтобы уверовать в то, что, как он понимает, вспомнив свой сон во время болезни (показательно, что это случилось накануне Пасхи: «он пролежал в больнице весь конец поста и святую»), все же есть на земле люди («несколько человек», «чистые и избранные»), которые предназначены «начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю» [4, 269]. Выделяя особенность, которая характерна для всех произведений Ф. М. Достоевского 1860 – 1870-х годов, В. Б. Мусий пишет о том, что все они строятся на оппозиции «эгоцентрист – альтруистическая личность». Поскольку же связь динамики событий во всех этих произведениях с развитием указанной оппозиции обусловлена пороговым характером переживаемого обществом состояния (переход от патриархальности с ее непосредственностью к эпохе индивидуализма), исследовательница в качестве архетипического мотива выделяет встречу Ангела и Демона (у Достоевского – кроткого существа и индивидуалиста) [7, 130-131]. Таким кротким существом в романе «Преступление и наказание» является Соня Мармеладова. И если следователь Порфирий Петрович, являющийся как герой-идеолог оппонентом Раскольникова, старается убедить его в необходимости пережить страдания для дальнейшей жизни, Соня возвращает героя к возможности восстановить связь с человечеством всей силой своей любви, сопереживания ему и всем переступившим закон каторжникам. Поэтому начало к воскресению Раскольникова – тот момент, когда «что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам». «Они, - продолжает повествователь, - хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь...» [4, 270]. В рассказе Р. Л. Стивенсона это, безусловно, принятие Маркхеймом решения. Он делает выбор между искушением незнакомца, предлагающего ему совершить новое убийство, устранив последнего свидетеля его преступления, и начать новую жизнь под властью своего «черного» двойника, или же решением признаться в убийстве и, скорее всего, быть казненным, но очистить свою душу от греха, дать возможность победить в себе нравственному, «белому» началу. «Маркхейм, - сообщает повествователь, - встретил служанку

у порога с подобием улыбки на губах. «Сходите за полицией, – сказал он. – Я убил вашего хозяина» [9, 482]. Так оба писателя приводят своих героев-преступников к возможности нравственной победы, а тем самым и к воскресению.

Маркхейм сделал свой выбор сам. Ведь, как мы сказали ранее, главная борьба происходит в душе героя, между двумя половинками его нравственного «я». Он оказывается способным на противодействие влиянию черного двойника, который склонял его на свою сторону, сторону освобождения от всякой нравственности. И он принял наказание.

Раскольников решился на признание под воздействием Сони. Она, в отличие от незнакомца, силой своей кротости и самоотверженности противодействовала нравственному разложению героя. Она прекрасно понимала, что для достижения абсолютного счастья нужно пройти исцеление страданиями. Именно она привела Раскольникова к вере. Но в любом случае оба автора выражают веру в нравственную силу человека.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин; 3-е изд. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Буланов А. М. Творчество Достоевского-романиста: проблематика и поэтика (Художественная феноменология «сердечной жизни»): монография / А. М. Буланов. – Волгоград: Перемена, 2004. – 194 с.
3. Гроссман Л. П. Достоевский / Леонид Гроссман. – М.: Астрель, 2012. – 539 с.
4. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Роман / Ф. М. Достоевский. – М.: Художественная литература, 1983. – 272 с.
5. Криницын А. Б. Творчество Ф.М. Достоевского: связи с западноевропейскими литературами / А. Б. Криницын // Сравнительное литературоведение: Россия и запад. XIX век: учеб. пособие / Б. В. Катаев, Л.В. Чернец, А. И. Журавлева и др. – М.: Высшая школа, 2008. – С. 195 – 233.
6. Мельничук И. Н. Основные особенности проявления религиозной проблематики у Ф. М. Достоевского / Ирина Мельничук // Питання літературознавства. – Чернівці, 2011. – Вип. 84. – С. 18 – 24.
7. Мусий В. Б. «Кроткая» Ф. М. Достоевского: попытка мифопоэтического прочтения / В. Б. Мусий // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – 2011. - № 1 (212) Січень. – С. 129 – 135.
8. Поддубная Р.Н. Отражение творческого опыта Достоевского в прозе Стивенсона / Р. Н. Поддубная // Филологические науки. – 1986. - № 2. – С. 87 – 96.
9. Стивенсон Р. Л. Владелец Баллантрэ. Рассказы и повести / Роберт Луис Стивенсон; пер. с англ. – М.: Правда, 1987. – 592 с.